

Сергей Тенятников

НОЧНОЙ ДНЕВНИК

VII

белое в черном (квадрат),
снег — это жизнь повернутая вспять.
многоэтажные дома, захлопнутые,
как шахматные доски,
где пешки сожительствоуют с конями,
где королева изменяет со слоном,
и король корябает в коридоре...
черное в белом (круг) —
меня проглатывает тишина
собственного зрачка, и бревно
плывет дальше по течению, ударяясь о век берега.

VIII

я в одинокой темной комнате,
комната внутри меня пуста...
предметы, исполнив свое предна-
значение, продолжают
существовать по инерции, как
обитатели средневековых замков
или тюремных камер строгого режима,
изредка напоминая о себе внутренними
монологами. и если кто-нибудь из них
не выдерживает, то, сойдя с ума,
истерично вопит: мессия! мессия!
и его увозит мусорная машина.
страшась такого конца, зеваки

разбредаются по углам. жизнь
продолжается молча. и волос
завивается в спираль днк.

IX

тень, отброшенная на страницу,
читается как лень.
расписавшись в собственной судьбе,
я склоняю квартиру:
мой стол.
мой стул.
мой пол.
отними эти вещи,
у меня ничего не останется,
губы складываются в знак равенства,
очки на носу — в проценты,
так обнуляется лицо в толпе
так человек, сидящий в автомобиле
(вертикально, на четвереньках),
исполняет роль наполеоновского коня.

X

[...] лампочка, не мигая, смотрит в глаза,
словно догадывается, что во мне горит
ее сестра, о которой вспоминают, когда
она стекленеет навсегда.

XI

извилины мозга, отпечатавшись на лбу,
находят свое продолжение в волосах.
минздрав прав: курение (т. е. дыхание)
убивает. я дышу, и сигаретный пепел уже сейчас

предугадывает историю всего живого
на планете 3. четвертый десяток
в пустыне ни воды, ни огня,
подбородок растет наподобие
верблюжьего горба, в пересохшем
колодце горла раздается собственное
эхо, как дежавю жизни: потолок, белея,
словно крыло ангела, накрывает меня.

XII

[...] люстра, словно перевернутый торт, зажигает
в честь будущего меня 60 свечей,
и искусственный свет чеканит профиль
на стене, но собственный профиль для наглеца
недосягаем ни рукой, ни глазом:
это участь творца (взгляд из-за угла),
человечье же лицо приспособлено для намаза.

I

с каждым мгновением я становлюсь все дальше от земли.
поднявшись на энный этаж, падаю в черноту чердака.
отвернувшись от людей, зажигаю свечу. самолет мигает,
точно небесный маяк, город проплывает мимо, словно лайнер,
отправившийся в кругосветный круиз: палубы ярко освещены,
играет приглушенная музыка, девочка показывает стриптиз,
пассажиры аплодируют, словно в первый раз, и кричат: на бис!

II

где было место, стало тесно:
самосожжение свечи. крушение
кружки. молчание автоответчика.
голос в ночную пору обжигает мозг,

точно оплеуха. подставляю
другое полушарие под головную боль,
на щеке проступает соль.
боль обнимает мою голову
своими теплыми руками, точно мама.
и ей не нужны ни пророки,
ни гороскопы, чтобы почувствовать,
что ее сыну светит. музыка
шумит, девочка продолжает
раздеваться. madonna (поп-птичка),
чем ты пожертвовала,
назвавшись именем той немой?
папарацци в погоне за едой,
будто воробьи, разевают клювы фотокамер —
вспышка, по небу проносится метеорит.

III

я забыл, что я хотел...
свеча гаснет, не оставляя
после себя ни тепла, ни пепла.
человек поклоняется памятнику,
забытому все вокруг, кроме
собственной формы: чьи глазницы,
обращенные вовнутрь,
не видят ни снега, ни света.
в витрине манекен,
сменивший платье на пальто,
возвещает о начале нового сезона,
как об окончании века.
так проживают чужую жизнь.
так приносят в жертву жир.
так медленно считают этажи.
так слеза, скатываясь с лезвия,
разрезает булку зачерствевшего хлеба.

IV

век кончается только тогда,
когда заканчивается одежда, прически,
речь или походка. избыток материи
прикрывает недостатки человека,
и туловище, длиною в улицу,
кончается у двери подъезда.
автомобиль, занесенный снегом,
замаскирован под белый рояль. маэстро,
найдя нужную страницу в партитуре,
взмахивает палочкой дворника, и
оркестр играет собачий вальс.
снег летит. или земля вертится.

V

снег летит, падает, чтобы растаять весной,
словно слезы мужчины на груди женщины.
первые люди в перьях,
забыв дорожные знаки,
идут гуськом к остановке трамвая.
слышится кряхтение или побрякивание.
мир, став снова черно-белым,
лежит в сугробах поэзии,
построенной на контрастах и светотени.

VI

треугольная комната, проглотив
обожженный кирпич, молчит.
и вместе с ней молчу я.
язык в горле зажат, точно
европа между азией и африкой.
дверь захлопывается без ключа,



лепнина потолка (как халтура
зубного врача) дает трещину.
отвернувшись от зеркала двери, так и
тянет промолвить: симметрия, прости.